

УДК 141.319.8:2-184

Излученко Татьяна Владимировна – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Сибирский федеральный университет.

e-mail: izluchenko@mail.ru

Религиозность сознания как критерий анализа и механизм передачи знаний в повседневности современного человека

Т. В. Излученко (г. Красноярск, Россия)

Проблема и цель. В работе рассматриваются проявления религиозности в структуре повседневности представителя современного общества, визуализирующиеся посредством ритуальных практик. Повседневность представлена в качестве совокупности повторяющихся действий, обладающих определенным эмоциональным фоном и отражающих социокультурные особенности социума. Цель работы — указать проявления религиозности в повседневности представителя современного общества.

Методология. Исследование повседневности проводится на основании подходов исторической антропологии (П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, С. Н. Боголюбова). Религиозность рассматривается в рамках когнитивистики (П. Бойер, Т. Малевич). Структурно-функциональный подход применяется к трактовке религиозного действия (Э. Дюркгейм).

Результаты. Выделены составляющие элементы повседневности такие, как интерпретация значимых явлений единой реальности (П. Бергер, Т. Лукман), как пространственно-временная ориентация, подкрепляемая регулярными действиями (Е. В. Банникова, С. В. Никифорова, Н. Л. Пушкарева), как коммуникативное пространство (С. Н. Боголюбова). Обосновывается врожденность религиозности (Т. Малевич, Д. Кожевников, П. Бойер) как свойства сознания и её влияние на повседневную жизнь. Повседневность включает в себя ритуалы, поддерживающие человека в структуре сообщества и обеспечивающие социальную солидарность (Э. Дюркгейм, Х. Уайтхауз). Религиозность под влиянием процессов секуляризации изменила формы проявления.

Заключение. На основании наличия религиозности сознания, участия в ритуальных религиозных практиках утверждаются влияние религиозности на повседневность и трансформация религиозных практик в условиях современного глобализационного мира (Л. С. Астахова). Религиозные практики современного светского общества актуализированы в рамках антропологических исследований повседневности.

Ключевые слова: повседневность, религиозность, ритуалы, религиозные практики, секуляризация, глобализация, религиозная традиция, религиозные

сообщества, историческая антропология.

Izluchenko Tatyana Vladimirovna - Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of philosophy, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

ORCID [http:// orcid.org/0000-0001-5644-301X](http://orcid.org/0000-0001-5644-301X)

e-mail: izluchenko@mail.ru

Religiosity of consciousness as a criterion of analysis and a mechanism of knowledge transfer in the everyday life of modern man

Abstract

Introduction. The author considers manifestations of religiosity in the structure of the everyday life of a human of modern society through ritual practices. Everyday life is presented as a set of repetitive actions that has a specific emotional background and reflects the socio-cultural peculiarities of society. The purpose of the article is to indicate the manifestations of religiosity in everyday life of a human of modern society.

Methodology. The research is carried out on the basis of approaches of historical anthropology (Peter L. Berger, T. Luckmann, H. Garfinkel, S. N. Bogolyubova). Religiosity is considered within the framework of cognitive science (P. Boyer, T. Malevich). The structural and functional approach is applied to religious action (E. Durkheim).

Results. The constituent aspects of everyday life are identified, such as the interpretation of significant phenomena of a single reality (Peter L. Berger, T. Luckmann), a spatio-temporal orientation, reinforced by regular actions (E. V. Bannikova, S. V. Nikiforova, N. L. Pushkareva), a communicative space (S. N. Bogolyubova). The innate of religiosity (T. Malevich, D. Kozhevnikov, P. Boyer) is substantiated as the attribute of consciousness; the influence of religiosity on everyday life is substantiated also. Everyday life includes rituals that support people in the structure of the community and ensure social solidarity (E. Durkheim, H. Whitehouse). Religiosity under the influence of the processes of secularization modifies the forms of manifestation.

Conclusion. On the basis of the religiousness of consciousness and participation in ritual religious practices, the influence of religiosity on everyday life and the transformation of religious practices in the conditions of the modern globalization world (L. S. Astakhova) are affirmed. Religious practices of modern secular society are actualized in the framework of anthropological studies of everyday life.

Keywords: everyday life, religiosity, rituals, religious practices, secularization, globalisation, religious tradition, religious communities, historical anthropology

Постановка проблемы

В современном мире одним из основных принципов деятельности человека и социума провозглашена светскость. Отделение религиозного от государственного, исключение взаимовлияния религиозных объединений и государства, невмешательство во внутренние дела друг друга, постепенное снижение проявлений религиозности в публичной сфере являются результатами реализации секуляризации. Однако при этом отмечается рост влияния религиозной сферы на повседневную жизнь людей, что ведет к появлению различных форм религиозности, синкретичных образований и фундаментализма. С одной стороны, нормы светскости и универсальность, ориентированные на создание представителей западноевропейского общества, воплощают идеальную модель либерального, социально-политического устройства. С другой стороны, личностные духовные поиски и возможности, позволяющие найти отвечающую потребностям религиозную традицию, реализуют потребность в индивидуальности посредством выполнения «священной» миссии в рядах того или иного религиозного сообщества. Обе позиции имеют место быть в повседневности современного человека, составляя основу его мировоззрения и нередко вызывая противоречивые элементы как в его субъективной реальности (радикализация взглядов, фундаменталистские идеи), так и в объективной действительности (ношение религиозной одежды, публичное исполнение религиозных предписаний).

Проблемы реализации принципа светскости в современном западноевропейском обществе и деятельность религиозных объединений отмечены в работах В. И. Гараджы [18], И. В. Понкина [27], а также О. Йилмаза, Х. Бахчекапили [13]. Религиозность как когнитивная установка, развившаяся в процессе эволюции человечества и взаимосвязанная с интуитивными аспектами сознания, представлена П. Бойером [3], естественным свойством работы головного мозга — Т. Малевич [22], побочным продуктом эволюции — Х. Уайтхаузом [11]. Взаимосвязь социальных процессов и религиозности подчеркнута Э. Дюркгеймом [20], Дж. Барретом [1]. Повседневность исследуется представителями истории повседневности в рамках исторической антропологии П. Бергером и Т. Лукманом [16], Г. Гарфинкелем [19], Е. В. Банниковой [15], Н. Л. Пушкаревой [28]. При указании естественности религиозности и её трансформации в условиях секулярного общества влияние

религиозности в качестве отдельного фактора конструирования повседневности не выделяется в самостоятельный предмет исследования.

Цель работы — указать роль религиозности в формировании повседневности посредством определения структуры повседневности, наличия религиозности и специфики ее проявлений, особенностей ритуальных практик, указания присутствия религиозных действий в повседневности и отражение ими социокультурных изменений.

Методология исследования

На наш взгляд, исследование повседневности представителей современного западноевропейского общества подходами исторической антропологии, основывающееся на анализе трансформации религиозных практик, позволит выявить влияние религиозности на поведение и мотивацию. Также станет возможным определить взаимообусловленность повседневности как процесса жизнедеятельности человека и религиозности как свойства сознания. Методологический подход, включающий принципы и методы истории повседневности в рамках исторической антропологии, обосновывается возможностью проведения сравнений (бинарных, межрегиональных), выявления особенностей и общности процессов в социокультурной среде посредством абстракций [6]. Религиозность, развившись в сознании в процессе эволюционного развития, участвует в формировании мировоззрения человека и трансформации ритуальных практик в повседневности. Это актуализирует для исследования когнитивные подходы к религиозности и структурно-функциональный подход к религиозным действиям как вариантам социальных ритуалов.

Результаты исследования

Повседневность в самом широком понимании рассматривается как быт, обыденность, события и процессы которой с различной периодичностью повторяются и являются неотъемлемой частью человеческого бытия. Историческая антропология актуализирует обыденность, рутинность деятельности повседневной жизни, сосредотачивает внимание на простых людях как на творческих личностях, а не на пассивных потребителях или объектах господства [9, с. 323]. Повседневность охарактеризована О. Ю. Марковцевой в онтологическом аспекте как бытие человека в мире, заключающееся в переплетенном конгломерате моментов жизнедеятельности, бытование человека в мире. При этом подчеркивается психологическая составляющая, проявляющаяся в потоке переживаний, понимании бытия как смысловой сетки и

континуума её творческого переплетения. Повседневность придает смыслы объективной действительности, конструируя общий характер представлений людей о мире, указывая на их место и роль в нём. Повседневность проявляется в качестве содержания, мыслимого упорядоченным в конкретно-исторической форме, и «конструирует границы и остов, удерживающий разнообразные, разноплановые, распадающиеся сами по себе и текучие, хаотические повседневные смыслообразования» [23, с. 111].

П. Бергер и Т. Лукман охарактеризовали повседневность как реальность повседневной жизни, отмечая, что «повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [16, с. 17]. Сознание человека конструирует мир как совокупность множества реальностей, среди которых имеет место быть его повседневность, воспринимаемая в фокусе «здесь-и-сейчас». В повседневности субъективные процессы объективизируются и визуализируются в социальных практиках. Бытие выступает результатом деятельности сознания, работы человека над наполнением целостного пространства необходимыми ему элементами, над созданием среды вокруг себя. В повседневности же апробируется и подтверждается складывающееся бытие.

Благодаря коммуникации с другими людьми, проведению внутриличностного диалога представления о мире расширяются, а содержание субъективной реальности становится многообразнее. Коммуникация может выступать не только как способ общения и расширения мировоззрения, но и как пространство, содержащее способы описания и осмысления, позиционирования и идентификации людей в качестве представителей того или иного социума. Г. Гарфинкель выделял этнометодологию как науку, обозначая предметом исследования структуры знания в повседневности и методы, которыми представители общества осмысливают себя и свою деятельность [19, с. 9]. На основе данных структур конструируется межличностный диалог и осуществляется повседневная деятельность. Люди посредством действий структурируют повседневность и посредством действий же дают объяснения объективной действительности, телесно выражая индивидуальные и/или коллективные интерпретации. Исследовательская деятельность направлена на раскрытие механизмов конструирования людьми стабильного социального мира.

В коммуникативном аспекте повседневность проанализирована С. Н. Боголюбовой. Функцией повседневности определяется осуществление идентификации человека с определенным социумом на основе социальных действий, ритуальных практик. Благодаря наличию схожих моделей повседневности, сконструированных на основе единых процессов в социуме, осуществляется коммуникация между представителями одного сообщества социума, носителями единых мировоззренческих установок, позиционирующих себя таковыми. Также коммуникация происходит и между людьми, обладающими «разными» моделями повседневности, что позволяет им осознавать свою уникальность, особенности и отличительные признаки. На основе этого реализуется конструктивный межличностный диалог. В процессе коммуникации человек понимает и воспринимает позицию других участников коммуникации. Повседневность представляется пространством «идентификационных интерпретаций», обусловленных трансформацией жизненных перспектив и ориентаций. В повседневности выражается идентичность посредством символов, указывающих «на зависимость/независимость в сфере социального взаимодействия» [17, с. 31].

Повседневность выступает элементом социальной сферы общества, выражает коллективные и индивидуальные представления о мире. По причине обусловленности условиями проживания и внешними воздействиями повседневность претерпевает изменения, выражая динамику и направленность развития социума. Регуляция и конструирование стереотипов поведения, образа жизни осуществляются социумом посредством ритуалов как социальных действий. Как отмечено С. В. Никифоровой, повседневность, будучи конкретно-ситуативной, повторяемой, устойчивой, нацеленной на тактический результат и поддержания постоянного образа жизни, основывается на фундаментальных, пространственно-временных характеристиках бытия, включает ритмы тела (движения, жесты), ритмы и темпы событий (распорядок дня) и контекст событий (календарные даты) [25].

Социум, формируя единую модель повседневности своих членов и используя культуру для ее поддержания, обеспечивает свою целостность. Повседневность характеризуется повторяющимся, «нормальным» и привычным, конструирующим стилем и образом жизни, включая модели эмоциональных реакций на жизненные события и мотивацию поведения [28, с. 3]. Благодаря этому поддерживается порядок и определяется дисциплинарное общественное пространство, устанавливаются социальные роли. Однако повседневность каждого человека содержит внутренние переживания и индивидуальное восприятие культурной традиции, а также индивидуальную интерпретацию

времени и пространства, проявляющуюся в действиях на основе конкретных обстоятельств, материальных ресурсов, сознательных и культурных возможностей. Основными критериями повседневности выступают субъект, объекты, пространственная локализация, длительность, условия проживания, образ жизни, форма организации жизни, субъективные представления о цели и направлениях деятельности [15].

По нашему мнению, повседневность есть совокупность систематически повторяющихся действий человека, которые сопровождаются сложившимся эмоциональным фоном, устоявшимся психологическим отношением, сознательными связями с различными аспектами объективной действительности. Данные действия реализуются во внутриличностной и межличностной коммуникации. При этом повседневность выражает происходящие социокультурные и духовные изменения в социуме. Процессы и явления объективной действительности, их интерпретация транслируются на всех членов социума посредством социальных практик. В результате они, преломляясь в субъективной реальности и включая новых элементов в мировоззрение, проявляются в повседневности человека, в его деятельности и в социальных практиках. В повседневности находят выражения мировоззренческие установки, стиль и образ жизни, а также особенности религиозных представлений и взаимоотношений человека с представителями иных религиозных взглядов, с представителями схожих с ним религиозных взглядов, с самим собой и со священным. Нереплексивность повседневности ведёт к невозможности применения рационального подхода, к сложности формирования объективной оценки материала исследования.

Религиозность, возникнув в сознании в результате деятельности психических и физиологических процессов, является естественным свойством сознания человека наравне с символизмом, верой, диалогичностью и интенциональностью. Спорным остается вопрос о происхождении религиозности. Одни (Р. Отто [26], Р. Нибур [24]) утверждают о сотворённости человека, об изначальности религиозности с момента рождения. Посредством религиозности обеспечивается связь человека со священным. Другие (Э. Тайлор [29], Дж. Фрэзер [30]) указывают на постепенное развитие религиозности.

Когнитивные религиоведы отмечают врожденность религиозности на основании её тождества естественным процессам сознания. Религиозность трактуется П. Бойером как когнитивное свойство,

развившееся в результате эволюции человечества и формирующееся в соответствии с психологическими и культурными установками социальной действительности [3]. В работах Т. Тремлина религиозность представлена как адаптация головного мозга к окружающему миру, проявляющаяся в процессе сосредоточения на сверхъестественных агентах, что выражается в соответствующих убеждениях (доктрине), поведении (ритуале) и социальной структуре (сообществе) [9]. Т. Малевич и Д. Кожевников предложили теорию «врожденных верующих», заключающуюся в готовности обнаружить сверхъестественных агентов повсюду, об объяснении природных феноменов работой сверхъестественных агентов и о наделии предметов определенными признаками [22]. При этом религия выступает механизмом, использующим репрезентации и паттерны поведения, приспособленные для разрешения практических повседневных задач.

Взаимообусловленность структуры повседневной жизни, ее устройства, содержания и когнитивных процессов отмечено Дж. Франкен и М. Слорсом. Когнитивная система формируется в результате жизнедеятельности, ведения определенного образа жизни. Поведение зависит от работы нейронных связей головного мозга (физиологии). Нейронаука утверждает возможность создания когнитивных конструкций на основе физиологии. Целеполагание повседневных действий определяется нейронной активностью. Следовательно, изучение повседневности, мотивации действий может основываться на результатах нейронауки [4].

Обозначенные выше подходы к повседневности позволяют анализировать повседневность человека, выявляя зависимость повседневного бытия от социокультурных изменений и когнитивных процессов, устанавливать характер внесенных элементов и механизмы трансформации повседневности, определять идентификационные маркеры, реконструировать образ жизни и поведения. Учитывая естественность религиозности для сознания и деятельности человека, можно понимать религиозные практики в качестве отражающих, постоянно присутствующих особенностей социальных процессов в повседневности, выявлять на их основе идентификационные маркеры членов социума.

Несмотря на секуляризацию современного общества, религиозность продолжает влиять на стиль поведения и мысли людей, сохраняясь в структуре повседневности. Степень проявления в повседневной жизни религиозности различно как в индивидуальных, так и коллективных случаях. Данный факт отмечен Х. Коксом. Урбанизация, анонимность и профанность характеризуют современное светское западноевропейское общество. Религия как социальный институт постепенно утрачивает коллективный характер, проявляющийся в

совместном совершении религиозных ритуалов. «Секуляризация ... теснит религию, выбивая у нее почву из-под ног, и идет дальше. Секуляризация релятивировала религиозные картины мира» [21, с. 22-24]. Однако это внешние проявления, отражающиеся в деятельности религиозных объединений, а врожденная религиозность не исчезает, она изменяет формы проявлений в социальной действительности, не дистанцируясь от ментальных процессов сознания.

Взаимообусловленность религиозности и социальных практик, представленных религиозными ритуалами, обозначена Х. Уайтхаузом. Ритуал активизирует психические процессы, используя эпизодическую память для проведения ярких, насыщенных как эмоционально, так и содержательно ритуалов, а применяя семантическую память — часто повторяющихся менее содержательных ритуалов. В первом случае происходит эмоциональный выброс, переживание целостности и единства психологического пространства, во втором — повторение культурных моделей и коллективных представлений, повседневные действия [10]. Оба варианта ритуала направлены на поддержание целостности религиозного сообщества. В процессе ритуала возникающие представления становятся «единственно отражающими реальность, в соответствии с чем и установки, и мотивации, реализуемые автором, становятся или кажутся ему единственно правильными» [14, с. 90]. Анализ религиозных практик включает определение смыслов, вкладываемых людьми в свою деятельность норм и принципов, налагаемых социумом на поведение его представителей.

Ритуал представляет собой форму символического действия, служащего для закрепления отношений между людьми и сферой священного (религиозный ритуал), социального статуса в социуме и определенного этапа жизни (социальный ритуал). Религиозные практики обладают такими характеристиками, как субъективность, завершенность во времени и пространстве, заинтересованность участников. При совершении религиозного действия сознанию участников внутренне присущи ощущение времени (темпоральность) и одновременность нахождения в повседневности и в сфере священного. Религиозное действие есть система социальных актов, в которых проявляются мотивации людей на познание и формирование мировоззренческой позиции. В них отражаются индивидуальный религиозный опыт и переживания, а также коллективные установки и идеологические положения, установленные и пропагандируемые социумом.

Принадлежность к религиозному сообществу и идентификация с ним, определение и позиционирование своей роли человеком осуществляются через участие в ритуалах. Социум обеспечивает социальную солидарность, целостность сформированным коллективным сознанием, единым мировоззрением, системой общих аксиологических и этических положений. Согласно Э. Дюркгейму, ритуал есть механизм поддержания социальной солидарности, проявляющейся в единообразном образе жизни и мысли [20, с. 180]. За нарушение данного состояния социум подразумевает систему взысканий, включающую наказания за проступок (механическая солидарность) и меры восстановления нарушенного порядка (органическая солидарность). К. Вульф отметил наличие специфичной атмосферы общих чувств, формирующейся от совместных ритуалов и творческой имитации (мимезис) и служащей для передачи информации, а также определенной последовательности действий, направленных на преодоление интерпретационных различий (перформативность) [12]. В результате включения этих элементов в ритуалы происходят преодоление внутригрупповых конфликтов и запоминание идеологических положений, интеграция людей с социумом.

С определенной долей допущений, на основании приведенных ранее высказываний можно утверждать, что религиозные действия являются разновидностями социальных ритуалов. Содержание социального ритуала направлено на межличностную коммуникацию участников. В одном случае участники представляются личностями, обладающими физическими телами, то в другом — личностями, обладающими отличными от обычных физических характеристик телами. Ритуал конструирует повседневность как подлинную реальность, в которой присутствуют как другие люди, так и представители сферы «священного». В результате устанавливается порядок, образ поведения, свойственный всем участникам ритуала. В совершении ритуальных действий каждый человек получает подтверждение своей деятельности, социального статуса в социуме со стороны других участников. Социум визуализирует свою иерархичность, структурированность при указании на функциональные особенности каждого члена, внутренние и внешние границы. При этом представители «священного» выступают одними из участников, которые придают деятельности освященный статус, религиозное обоснование, а также утверждают руководителей и духовных лидеров в качестве своих доверенных лиц.

Человек, являясь представителем определенного социума, идентифицируя себя с ним и ощущая сопричастность с коллективными действиями, принимает участие в социальных ритуалах. Повседневная материальная культура выражает

представления о священном, об окружающем мире и о человеке, способствует построению сплоченного, культурно единообразного коллектива. В культуре коллектива опосредуются личностные переживания, социальная идентичность, а также социально-политические процессы. Е. Хуберт указал на взаимосвязь материальных объектов культуры и социальных практик, которая выражается в материальной повседневной культуре, обеспечивающей поддержание идентификации членов сообщества с этим сообществом [7, с. 1].

Религия в современном мире снижает степень своего влияния на общество и отдельных людей, а ей на смену секуляризация приходит. Д. Белл отметил секуляризованные изменения в обществе, указав в качестве причины упадка религии — модернизм, присвоившего права религии. Это повлекло смену авторитетов, понятия священного трансформировались в категории светского мировоззрения [2]. Священное перестало символически отображать аксиологические и этические положения, устанавливать систему наказания и поощрения. Религиозный символизм находит выражение в эстетических и этических принципах современной культуры. Процессы секуляризации являются особенностями современного общества, а принцип секуляризма — универсальной основой межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, актуализация которого произошла в условиях глобализирующегося мира.

Упадок и снижение влияния на повседневную жизнь людей относится, в большей степени, к христианской культуре в государствах Объединенной Европы, в которых секуляризация и современные ценности усугубили эти процессы. Безусловно, религиозность в возможностях своих проявлений претерпела изменения в современном западноевропейском обществе. В рамках сохранения религиозной традиции наблюдается стремление сочетать религиозные субъективные представления, основанные на религиозных положениях и поддерживаемые религиозными практиками, с секулярными тенденциями, светскими нормами. Это выражается в поиске компромиссов в процессе взаимодействия.

При снижении влияния религиозных традиций, реализуемых религиозными объединениями, на светское западноевропейское общество отмечается актуализация субъективной, внутренней религиозности, которая не требует социальных ритуалов. О. Гастингс указывает на наличие наименьшего количества близких контактов, узости сети коммуникации и социального взаимодействия у людей, не принимающих участие в религиозных действиях, в сравнении с их участниками [6]. Можно

предположить, что представители современного общества реализуют религиозность во внутрличностном общении, при котором священное предстает результатом субъективного опыта.

Учитывая наличие религиозности как естественного свойства сознания, можно утверждать, что каждый человек в той или иной степени принимает участие в религиозных практиках. Однако в современных условиях при процессах секуляризации проявления религиозности стали менее обусловлены организационными действиями религиозных объединений. Наблюдается рост субъективной религиозности, характеризующейся индивидуальным взаимодействием со священным, исполнением индивидуальных религиозных практик, обусловленных внутренними переживаниями и опытом. Религиозные практики продолжают занимать значительное место в повседневной жизни человека, трансформировавшись в соответствие с условиями объективной секулярной действительности. Они отражают субъективную реальность человека, его переживания и индивидуальный опыт общения с существами «священного».

В современном мире при снижении социально-политического влияния религиозных объединений на повседневность людей религиозность получила свободу от навязанных религиозными традициями и религиозными институтами ограничений в возможностях проявления. Существование различных форм религиозности, обусловленных политическими, социокультурными и идеологическими условиями, способствует возникновению синкретических религиозных действий, основанных на эклектических представлениях. При этом данные практики позиционируются выражением индивидуальных представлений об объективной действительности, в которой одновременно присутствуют представители «священного» и «мирского».

Религиозное действие, будучи социальным ритуалом, направлено на общение с другими — представителями священного. Целью является поддержание целостности коммуникативного пространства. В современном мире характер взаимодействий различен, что выражается в формах религиозных действий, их месте и роли в повседневности. Религиозные практики отражают мировоззрение, осознание человеком своей функции (субъективный аспект), занимаемого статуса и взаимодействия человека с социумом, степени влияния общества на повседневность человека, принятия / отрицание общественных норм, включая и отношения со священным (объективный аспект). Повседневность наполнена религиозными практиками, являющимися разновидностью ритуала и общественными действиями. Они обусловлены внутренней религиозностью, когнитивными свойствами сознания,

естественными психологическими установками и биологическими потребностями, а также культурой, представителем которой человек себя считает и с аксиологическими положениями которой осуществляет свою деятельность. Однако, зачастую основываясь на субъективной интерпретации и реализуясь в индивидуальных практиках людей, религиозные действия получают формы, отличающиеся от установленных религиозными традициями.

Заключение

В современном западноевропейском обществе проявления религиозности трансформировались под влиянием условий секуляризации и глобализационных изменений. Религиозность есть свойство сознания, являющееся результатом эволюционного развития, полезной адаптацией к окружающему миру, присущее человеку с момента рождения. Утверждения о снижении влияния и упадке (Х. Кокс, Д. Белл, Ю. Хабермас) относятся к религиозным традициям и деятельности религиозных объединений. По причинам современных культурных тенденций и нерелексивности повседневности, обусловленной толкованием ее как незначимой части культуры, отмечается снижение проявлений религиозности в социальной действительности. Однако религиозность, будучи естественным свойством сознания, не способна исчезнуть, прекратить своё существование и влияние. Она получила новые, неограниченные внешними и организационными нормами, формы проявления. Повседневность представителя современного западноевропейского общества наполнена религиозными практиками. Они становятся более индивидуальными, отражающими субъективный опыт и переживания. Коллективные ритуальные действия снижают содержание религиозных практик, заменяя их светскими, обусловленными политическими и социокультурными условиями. Религиозность находит возможности своей реализации в субъективной реальности. Результаты исследований повседневности на основе выявления особенностей религиозных действий и их трансформаций актуализируются при формировании моделей современного социума, выявлении тенденций общественного развития, механизмов идентификации человека с тем или иным сообществом.

Список литературы

1. Barrett N. Toward an alternative evolutionary theory of religion: looking past computational evolutionary psychology to a wider field of possibilities // *Journal of the American Academy of Religion*. – 2010. — Vol. 78. - P. 583 – 621.
2. Bell D. *The cultural contradictions of capitalism*. — New-York: Basic Books, 1976. — 352 p.
3. Boyer P. *Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought*. – New York: Basic Books, 2001. – 384 p.
4. Francken J., Slors M. Neuroscience and everyday life: Facing the translation problem // *Brain and Cognition*. — 2018. — Vol. 120. — P. 67-74. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2017.09.004>
5. Gingrich A. Comparative Method in Anthropology // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. — 2015. — P. 411–414. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.12181-6>
6. Hastings O. Not a lonely crowd? Social connectedness, religious service attendance, and the spiritual but not religious // *Social Science Research*. — 2016. — Vol. 57. — P. 63-79. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.01.006>
7. Hubert E. Figuring identity in everyday life // *Journal of Anthropological Archaeology*. — 2016. Vol. 44. — P. 1-13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2016.07.015>
8. Löfgren O. Everyday Life, Anthropology of // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. — 2015. — P. 323–326. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.12068-9>
9. Tremlin T. *Minds and Gods: The Cognitive Foundations of Religion*. — New York: Oxford University Press, 2006. — 222 p.
10. Vial T. Harvey Whitehouse. Arguments and Icons: Divergent Modes of Religiosity // *Religion*. — 2004. — Vol. 34. — P. 248–250. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.religion.2004.04.011>
11. Whitehouse H. *Arguments and Icons*. — New York: Oxford University Press, 2000. — 204 p.

12. Wulf Ch. Zur Genese des Soziale: Mimesis, Performativitat, Ritual. — Bielefeld: Transcript Verlag, 2005. — 175 p.
13. Yilmaz O., Bahçekapili H. Supernatural and secular monitors promote human cooperation only if they remind of punishment // *Evolution and Human Behavior*. — 2016. — Vol. 37, Is. 1. — P. 79-84. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2015.09.005>
14. Астахова Л. С. Универсальные характеристики религиозного действия // *Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки*. — 2007. — № 5. — С. 79-90.
15. Банникова Е. В. Повседневность как объект исторического исследования // *Современные исследования социальных проблем (электронный журнал)*. — 2011. — № 3. — С. 54.
16. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
17. Боголюбова С. Н. Повседневность: пределы идентификационных интерпретаций // *Теория и практика общественного развития*. — 2011. — № 1. — С. 31-34.
18. Гараджа В. И. Толерантность и религиозная нетерпимость // *Философские науки*. — 2004. — № 3. — С. 18-32.
19. Гарфинкель Г., *Исследования по этнометодологии. (Мастера социологии)* / пер. с англ. З. Замчук и др. — СПб.: Питер, 2007. — 335 с.
20. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология* ; сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. — М. : Канон+, 1998. — С. 175 – 231.
21. Кокс Х. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте / пер. с англ. О. Боровой и К. Туровской. — М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1995. — 263 с.

22. Малевич Т., Кожевников Д. Дискуссии о «врожденной» религиозности в когнитивном религиоведении // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2016. — № 2. — С. 373-398. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-2-373-398>
23. Марковцева О. Ю. Повседневность как бытие человека в мире // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — № 6-1. — С. 111-117.
24. Нибур Р. Радикальный монотеизм и западная культура // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура; пер. с англ. И. И. Маханькова и И. А. Лейтес. — М., Юристъ, 1996. — 580 с.
25. Никифорова С. В. Конструирование образов повседневности (из опыта реконструкции традиционной повседневности якутов) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2015. — № 46. — С. 13 — 23.
26. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идеи божественного и его соотношения с рациональным / пер.с нем. яз. А. М. Руткевич. - СПб: АНО «Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. — 272с.
27. Понкин И. В. Светскость государства. — М.: Учебно-научный центр довузовского образования, 2004. — 466 с.
28. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. — 2004. — № 5. — С. 3-19.
29. Тайлор Э. Первобытная культура / пер. с. англ. Д. Л. Коропчевского — М.: Политиздат, 1989. - 572 с.
30. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М. Рыклина. — М.: АСТ, 1998. - 782 с.

References

1. Barrett N. Toward an alternative evolutionary theory of religion: looking past computational evolutionary psychology to a wider field of possibilities. *Journal of the American Academy of Religion*. 2010. Vol. 78. P. 583 – 621.
2. Bell D. The cultural contradictions of capitalism. New-York: Basic Books, 1976. 352 p.
3. Boyer P. Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought. New York: Basic Books, 2001. 384 p.
4. Francken J., Slors M. Neuroscience and everyday life: Facing the translation problem. *Brain and Cognition*. 2018. Vol. 120. P. 67-74. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2017.09.004>
5. Gingrich A. Comparative Method in Anthropology. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. 2015. P. 411–414. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.12181-6>
6. Hastings O. Not a lonely crowd? Social connectedness, religious service attendance, and the spiritual but not religious. *Social Science Research*. 2016. Vol. 57. P. 63-79. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.01.006>
7. Hubert E. Figuring identity in everyday life. *Journal of Anthropological Archaeology*. 2016. Vol. 44. P. 1-13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2016.07.015>
8. Löfgren O. Everyday Life, Anthropology of. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. 2015. P. 323–326. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.12068-9>
9. Tremlin T. Minds and Gods: The Cognitive Foundations of Religion. New York, Oxford University Press, 2006. 222 p.
10. Vial T. Harvey Whitehouse. Arguments and Icons: Divergent Modes of Religiosity. *Religion*. 2004. Vol. 34. P. 248–250. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.religion.2004.04.011>
11. Whitehouse H. Arguments and Icons. — New York: Oxford University Press, 2000. — 204 p.

12. Wulf Ch. Zur Genese des Soziale: Mimesis, Performativitat, Ritual. — Bielefeld: Transcript Verlag, 2005. — 175 p.
13. Yilmaz O., Bahçekapili H. Supernatural and secular monitors promote human cooperation only if they remind of punishment. *Evolution and Human Behavior*. Vol. 37, Is. 1, 2016, P. 79-84. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2015.09.005>
14. Astakhova L. S. Universal characteristics of religious activity. *Scientific notes of Kazan state University. Ser. Humanities*. 2007, no. 5, pp. 79-90. (In Russian)
15. Bannikova E. V. Everyday life as an object of historical research. *Modern researches of social problems (electronic journal)*. — 2011. — № 3. — p. 54. (In Russian)
16. Berger P., Luckmann T. The Social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge / trans. from engl. E. Rutkevich. M.: Medium, 1995. 323 p. (In Russian)
17. Bogolyubov S. N. Everyday life: the limits of identification interpretation. *Theory and practice of social development*. 2011, no. 1, pp. 31-34. (In Russian)
18. Cox H. the Secular grad: secularization and urbanization in theological aspect / trans. from engl. O. Borovoy and K. Turovskaya. M.: Publishing house of Eastern literature RAS, 1995. 263 p. (In Russian)
19. Durkheim È. The Elementary forms of Religious life // Mystery. Religion. Science. Classics of world religion. Anthology ; ed. and the General editorship of A. N. Krasnikova. M. : Kanon+, 1998. P. 175 – 231. (In Russian)
20. Frazer Jam. The Golden bough: a Study in magic and religion / trans. from engl. M. Ryklin. M.: AST, 1998. 782 p. (In Russian)
21. Garadzha V. I. Tolerance and religious intolerance. *Philosophical Sciences*. 2004, no. 3, pp. 18-32. (In Russian)
22. Garfinkel G. Studies in ethnomethodology. (Master of sociology) / trans. from engl. Z. Samchuk etc. SPb.: Peter, 2007. 335 p. (In Russian)

23. Malevich T., Kozhevnikov D. Discussions about «innate» religiosity in cognitive religion. *State, religion, Church in Russia and abroad*. 2016, no. 2, pp. 373-398. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-2-373-398> (In Russian)
24. Markovtseva O. Daily as a human being in the world. *Bulletin of the Orenburg state University*. 2006, no. 6-1, pp. 111-117. (In Russian)
25. Niebuhr P. Radical monotheism and Western culture // Christ and culture. Selected works of Richard Niebuhr and Reinhold Niebuhr; trans. from engl. I. I. Makhankov and I. A. Leites. M., Jurist, 1996. 580 p. (In Russian)
26. Nikiforova S. V. Designing everyday images (from the experience of reconstruction of traditional daily Yakuts). *In the world of science and art: issues of Philology, art history and cultural studies*. 2015, no. 46, pp. 13 — 23. (In Russian)
27. Otto R. Das Heilige: über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen / per. from deutch. A. M. Rutkevich. SPb: ANO Izd-vo S.-Peterb. UN-TA, 2008. 272 p. (In Russian)
28. Ponkin I. V. Secularity. M.: Educational and scientific center of pre-University education, 2004. 466 p. (In Russian)
29. Pushkareva N. L. The subject and methods of studying the history of everyday life. *Ethnographic review*. 2004, no. 5, pp. 3-19. (In Russian)
30. Tylor E. Primitive culture / trans. from engl. D. L. Korobchinskogo. M.: Politizdat, 1989. 572 p. (In Russian)